

СТАРШИНА ИВАН ПЕТРОВ

Поэма

Кончив службу на границе
У приморских берегов,
Всею душой домой стремится
Старшина Иван Петров.
Полустанкам, перегонам
С нетерпением счёт ведёт.
За большим окном вагонным –
Жёлтых рожиц хоровод.
Ветерок в окно влетает,
Ароматный, полевой.
Русым чубчиком играет,
Занавеской голубой.
Хоть и временный, а всё же
Прочно сбит дорожный быт.
Кто-то дремлет, с книжкой лёжа,
Кто-то чайником гремит.
Там шумят, о чём-то споря,
Там играют в домино.

Одиноко в коридоре
Старшина глядит в окно.
Закурил. И струйка дыма
Вмиг растаяла вдали...
Разговаривая, мимо
Пассажирки две прошли.
Странно им: какой несмелый,
Невнимательный какой
Этот рослый, загорелый
Парень с русой головой.
Вот, смеясь, идут обратно.
Не простак герой-то наш:
Для него уже понятно –
Неслучайный променаж!
Усмехнулся хитровато,
Озорно прищурил глаз:
Зря, мол, топчетесь, девочки,
Ждёт меня... не хуже вас.

- Эй, земляк! Садись, подкину! –
Пригласил шофёр такси.
- Это дельно. – Сел в машину,
Пошутил: - Давай, труси.
- Есть труситься!

Водитель с шиком
Развернулся, дал газку.
- Далеко?... Ну, значит, мигом
Мы разгоним грусть-тоску!
Старшина глазам не верил,
«С ветерком» в «Победе» мчась:
Этот путь не раз он мерил,
Много раз месил тут грязь;

Не узнать былой картины,
Кочки, рытвины забудь –
Мягко стелется под шины
Гладь асфальта. Славный путь.
По бокам – багряно-яркий
Тополей, берёз наряд.
Там, где горбились хибарки, –
Белокаменный парад.
Сколько улиц и развилоч!
А какая здесь куда?...
Почесал Иван затылок,
Вслух сказал: - Вот это да!..

Как живёшь ты, отчий дом,
Милый пятистенник,
С палисадником, с крыльцом,
С разговором ступенек?
Э, да ты уже старик,
Потемнел, как баня...
Из сеней донёсся крик:
- Гость приехал! Ваня!
Гость опомниться не мог:
Чья, мол, ты, девчонка? –

Чуть его не сбита с ног
Шустрая сестрёнка.
Ух, как Маша подросла.
Ты смотри – невеста!
Чемодан легко взяла,
В нём немалый вес-то.
Диво братниной жене:
Ванька был, мальчишка,
А сейчас мужик вполне.
Здоровенный. Вышка.

Больше всех, конечно, мать
Радуется встрече.
Рад и сын её обнять
Бережно за плечи.
С перевязанной рукой
Старший брат подходит.
- Что с рукой-то?
- Принял бой.
Раненый, выходит.
Чуть ты, знаешь, не попал
На мои поминки...
- Где ж ты это маху дал?
При какой заминке?

Вот что старший брат Кузьма
Рассказал Ивану:
- Случай каверзный весьма.
Не подумай – спьяну.
Слёт шахтёров был. Ну, там
Прения, доклады.
Дорвались так, знаешь сам,
Высказаться рады.
Между прочим, – отвлекусь, –
О бригаде нашей
Говорил, мотай на ус,
Каждый выступавший...
Ну, закончили. Гляжу –
Опоздал к трамваю.
Горя мало. Не тужу.
На своих шагаю.
Ночь хорошая. Луна.
От деревьев тени.
Вся мне улица видна
Прямо как на сцене.
Ни души на ней. И – раз! –
Рядом два артиста.
Почему-то я тотчас
Вспомнил Кольку Свиста...
И заметь, какая прыть –
Как с луны упали.
- Разрешите прикурить.
Спички потеряли.
Далеко ли, мол, живёшь.
Звать как. Может, тёзки.

Долго думал старшина
Над рассказом брата...

- Ночью... жулики... ножом, –
Маша пояснила.
- Ладно, – брат сказал, – потом
Расскажу, как было.
А теперь за стол, за стол.
Разговоров – море!
Вон отец как раз пришёл.
Все как будто в сборе?
Сам сестрёнке подмигнул:
- Позови-ка Нину...
Старшина к отцу шагнул,
Тот – навстречу сыну.

Вдруг один подносит нож
Вместо папироски.
- Тихо, дядя. Не шурши.
Сбрось костюм. Не личит.
А кругом-то ни души...
- Ну! – и ножик тычет.
Много, помню, всяких дум
Вихрем налетело.
- Не про вас я шил костюм, –
Отвечаю смело.
И рванулся что есть сил.
В тот же миг без звуку
Словно ток меня пронзил –
Впился ножик в руку.
Помутнело всё в глазах,
Улица – что шахта.
Наугад с размаху – бах!
Добрый был размах-то:
Сшиб бандита одного –
Друг-приятель – ходу.
Догони, поймай его.
Будто канул в воду.
Чую, ранен не шутя.
Перебита вена...
В общем, пять минут спустя
Опустела сцена.
Дома всех перепугал.
Как шальной ворвался.
Ох, и крови потерял!..
Благо жив остался.

Нет, не вывелась шпана,
Как считал когда-то.

Не совсем смела её
Новой жизни глыба.
Кажет голову жульё
Разного пошиба.
Те лазеек у границ
Ищут тёмной ночью.
(Мало ль их, заморских птиц,
Повидал воочью).
Эти грабят мирный люд
В тихом закоулке.
Водку пьют, со вкусом жрут
Дармовые булки.

Много девушек на свете
Привлекательных собой.
А в пленительные сети
Попадают к одной.
Иногда и после свадьбы
Не распутать тех сетей...
Сам Иван не мог сказать бы,
Чем же Нина всех милей.
Белобрысая толстушка,
Неприметная ничем.
Хлопотунья, хохотушка,
Очень чуткая ко всем.
Знал её почти что с детства.
Так и этак изучал.
Ни капризов, ни кокетства
Никогда не замечал.
Не завидной красотой –
(От красавиц больше зла!)
Добрым сердцем, простотою
Эта девушка влекла.
И ещё заметим к слову:
За работу с огоньком
Ценят Нину Воронцову
В коллективе заводском...
С кем же первым, как не с нею
Обсудить свою судьбу?
Мол, и здесь в виду имею
Кое-с-кем вести борьбу...
Засмеялась: - Как чудно-то:
Ваня – м-и-л-и-ц-и-о-н-е-р!
Представляю, как кого-то
Ты штрафуешь, например.

Для таких, чтоб «мощно» жить –
Что их беспокоит! –
Человека уложить
Ничего не стоит...
Сам не сдастся этот мир.
Надо с ним бороться!
Видно, форменный мундир
Вновь надеть придётся.
Верным другом орденам
Был мундир армейский,
Может, впору будет нам
Новый – милицейский?

От сапог до гладких прядок –
Весь казённый, как аршин:
«Вы нарушили порядок.
С вас пятёрка, гражданин!»
- Можно быть и не казённым,
Не рекламой для зевак.
Нет, Нинок, с твоим резонансом
Не согласен я никак.
Штраф – пустяк. Представь другое:
Место тихое, глухое.
На тебя напал бандит.
- Раздевайся! – говорит.
Сдавят горло пальцы-спруты...
Вдруг мой голос: - Что за гусь?!
Вряд ли, вряд ли в те минуты
Я казённым покажусь...
Нина сразу омрачилась
И плечами повела:
- Если б так со мной случилось,
Я, наверно б, умерла...
Хоть нечасто, но бывают
Эти случаи у нас.
Раздевают. Убивают.
Многим, знать, не в первый раз.
Говорят, в Курганке где-то
Человек один на днях
Был убит из пистолета.
Ради сотки. Ужас! Страх!
- Мне наган дадут. Надёжней.
- Всё обдумай, Ваня, взвесь.
Будь как можно осторожней,
Сам под пули-то не лезь...

Прошло какое-то число
Привычных дней-ступеней.
Бесшумно снегом замело
Цветной ковёр осенний.
Уже и свадьба за чертой,
Уже Ивана с Ниной
Зовут супружеской четой –
Залог судьбы единой.
Кто видел свадебный обряд
И праздник новоселья,
У них доньине, говорят,
Звенит в ушах с похмелья...
Есть в центре Кемерова дом,
Большой, многооконный.
Здесь в светлой комнате вдвоём
Живут молодожёны.
Два стула, шкафчик, стол, кровать
– Пока что все пожитки.
Но как приятно утром встать,
Сварить еду на плитке,
И, ощущая близость душ,
Вниманье и участие,
Подумать вновь: «Жена и муж –
Какое это счастье!»
Но мало, видно, старшине
Домашнего уюта:
Всё чаще ночью в тишине
Вздыхает почему-то.
Любой поймёт: не может быть,
Чтоб это беспричинно.
Успел, наверно, разлюбить...
- О чём ты? – спросит Нина.
Ответит шуткой: - Устаю.

В каждом городе бывает
Место, сходное с селом,
Что обычно называют
Поэтичным уголком.
Летом здесь кругом полянки,
Воздух мёдом напоён,
У автобусной стоянки
Шелестит листвою клён.
Не увидишь зданий новых –
Скромных домиков ряды.
За горбами крыш тесовых
Огороды и сады...
Третью ночь Иван дежурил
В том укромном уголке.

Вздыхнуть нельзя мне, что ли?
И Нина тут же мысль свою
Отгонит поневоле...
Сегодня очень насмешил
(Решил во всём признаться):
- А зря я, кажется, спешил
В милицию податься...
- Ого! Раскис уж, рыцарь мой?
В кусты?
- Не в этом дело.
Ну что за должность – постовой?
Безделье надоело.
Не прикладая рук, тружусь, –
Добавил с горькой миной.
Ночная сценка («что за гусь?!»)
Мелькнула перед Ниной.
Ах, вот о чём мечтает он!..
- Ты что ж, Ванюшка, думал:
За месяц жуликов вагон
Я в городе найду, мол?
О чём горюет человек –
Что мало беспорядков!
Да пусть не будет их вовек,
Как всяких недостатков.
Возьмём тебя. Вздыхать привык –
Твой первый недостаток.
Второй – не брал ты в руки книг,
Пожалуй, дней десяток.
А третий...
- Третий, – в тон жене
Сказал Иван с улыбкой, –
Ты даже спишь мне во сне.
И знаешь как? Над зыбкой...

Слушал, думал, брови хмурил,
Рукавичку мял в руке.
В шапке, в чёрном полушубке,
С неизменной кобурой,
Снег притаптывая хрупкий,
Прохлаждался наш герой.
Грозный шаг в тиши морозной
Слышен чётко за версту.
Спит земля под синью звёздной,
Звёзды – тоже на посту...
Время – медленней улитки.
Старшина зевнул... И вдруг,
Проходя вблизи калитки,
Уловил какой-то звук.

В окнах – тьма. Неужто воры?
Снова – дзинь! Ну, так и есть:
Не могли сломать запоры
И в окно решили влезть...
С осторожностью привычной,
Как на службе пограничной,
Вырос тенью старшина
У разбитого окна.
Кухня летняя. Пристройка.
Хитрый выискали ход...

Изнутри – постой, постой-ка,
Стайка, что ли? – пар идёт.
Сгоряча в телячью морду
Чуть не ткнулся старшина.
- Тьфу ты! – плюнул. – Подь ты к чёрту!
И скорее – от окна.
Рассказать кому – умора!
Просмеют наверняка.
Ловко выследил он вора –
Белолобого телка...

Как-то раз, домой придя,
Он сказал с задором:
- Ну, Нинок, поздравь меня.
Встретился я с вором.
Нина, встав из-за стола,
Весело взглянула.
Торопливо подошла,
Снег с погон стряхнула.
- Поздравляю. От души.
Рад, небось?
- Известно!
Расскажи-ка, расскажи.
- Слушай. Интересно.
Твой Иван не лыком шит...
Верно говорится:
На ловца и зверь бежит.
Надо ж так случиться...
Сдал дежурство я, иду
Улицей Вокзальной.
День уже, имей в виду,
Самый натуральный.
Глядь – навстречу мне народ,
К поезду с трамвая.
С багажом на полный ход
Валит, поспешая.
Тот хохочет, как медведь,
Наклонившись к даме,
Этот, в шляпе, смех глядеть,
С гривой за ушами.
Тот пыхтит, красней, чем рак,
От тяжёлой клади...
Наблюдаю. Просто так,
Любопытства ради.
А иду-то я, учти,
Посреди дороги.
С кем ни встречусь на пути –
Самый длинноногий.
Увидал меня один –

В сторону подался.
«Стоп, – смекаю, – гражданин,
Что ж ты испугался?
Чем, скажи, коль не секрет,
Я тебя сконфузил?»
Норовит вильнуть в буфет.
За плечами – узел.
Тут и я прибавил шаг,
В дверь за ним – моментом.
- Извините. Так и так.
Как, мол, с документом.
Побледнел он, как стена.
Отыграл, мол, в прятки.
- Есть помарочка одна.
Не совсем в порядке.
- Ясно. Следуйте за мной.
- Ух, какой настырный!
Брось ты! Выпьем по одной,
Разойдёмся мирно.
...Всё ж послушался меня.
Шёл и удивлялся:
- Что за чёрт! Средь бела дня.
Как ты догадался?
- Очень просто, – говорю, –
Сам не аккуратный.
То спешил, а то, смотрю,
Вроде на попятный.
Шёл бы мимо, как и шёл,
Был бы на вокзале...
Костерит себя: - Осёл!
Нервы, нервы сдали.
Ну теперь-то мне хана...
Плакать начинает:
Отпусти, мол, старшина,
Кто про то узнает...
- Сколько лет ему на вид? –
Нина перебила.
- Пятьдесят уж, говорит.

- Я бы отпустила.
- Что ты! Он – «матёрый волк» –
С жаром муж воскликнул.
Но и сам смутился, смолк,
Головой поникнул.
- Жалко. Всё-таки старик.
Но подумай, Нина.
В чьём-то доме слёзы, крик,
Грустная картина:

В выходной Иван и Нина
Собрались к его родным,
В душной давке магазина
Накупив гостинцев им.
Мчат в автобусе, не видя,
Где там что. Людей – битком.
В тесноте, да не в обиде.
Лишний час идти пешком.
И пройтись в такую пору
Тоже славно. Воздух чист...
Остановка. Здесь шофёру
Путевой отметят лист.
Подождём уж. Воскресенье.
Вдруг какой-то пьяный тип
На шофёрское сиденье
Опустился – как прилип.
Двери хлопнули – закрылись.
Вход и выход на замке.
Все в ловушке очутились.
Руль – у пьяного в руке.
Что он делает? В уме ли?
Как сирена, взвыл мотор.
Пассажиры зашумели:
- Разобьёмся! Где шофёр?
Не догнать теперь шофёру.
Каждый миг грозит беда...
Шёл автобус без разбору,
Вкривь и вкось – туда, сюда.
Вот на насыпь, на сугроб ли
Въехал левой стороной.

Может, кто со стороны
Скажет: - Вот везучий!
Видно, в жизни старшины
Что ни день, то случай.
Нынче вору путь отсек,
Завтра – хулигану.
Столько сделает за век –

Пусто. Вещи унесли.
Были – и пропали.
На рабочие рубли
Их ведь покупали.
А подумаешь вот так –
Шут с ним и со старым.
Жалость в нашем деле – враг.
Влип? Ну что ж. Недаром.

Плач детишек, стоны, вопли
Средь людей прошли волной.
Будто поднят той волною,
Старшина пролез к окну.
Заслонил его собою:
«Так... Попробую. Скакну!»
С треском вылетела рама
От удара сапога...
Ловко падал вроде, прямо –
Подвернулася нога.
Стиснул зубы и, хромая,
За автобусом вослед.
- Стой! – кричал он, догоняя.
Только ветра свист в ответ.
Поднажми. Ещё немножко.
Вот сейчас, сейчас, сейчас...
Зацепился за подножку,
Дверцу дёрнул – и как раз:
Перед самую траншеей
Заскрипели тормоза...
- Засвети ему по шее!
Ух ты, тварь! Налил глаза!
Окружил народ Ивана.
Обнимают, руки жмут.
Дай сейчас им хулигана –
Страшный был бы самосуд.
- Ну, вылазь! – Сказал он резко.
Поняла без слов жена:
Отменяется поездка.
Вновь на службе старшина.

Не вместить роману...
Верно, в духе боевом
Наш герой воспитан.
Молод, держится орлом.
На посту не спит он.
Пусть украсит грудь его
Не одна награда...

Только к правде ничего
Прибавлять не надо.
А по правде говоря,
Жизнь его обычна.
Кто завидует – так зря,
Подтверждаю лично.
Никаких пока побед,
Широко известных,
На счету Петрова нет,
Кроме чисто местных.
И за то хвала ему,
Что, согласно правил,
«Декабристу» одному
Он мозги поправил.
Тот буйнил во дворе.
Десять суток – баста!
По указу... (В декабре
Издан был Указ-то).

Как не скажешь: «Молодец!»,
Коль Иван вмешался,
Увидав, как продавец
«Умно» обсчитался.
В отделенье спекулянт
С ним на днях прошёлся.
Зоркость, скажете, талант,
Дар Шерлока Холмса?
Нет, просто гражданский долг,
Будь он штатским даже,
Подошёл бы: - Что за шёлк?
И – картина та же.
Служба службою. А всё ж
В ней ли только дело?..
Если свет в душе несёшь –
Тьму прогонишь смело.

В гулком цехе у станков,
Тёмных, угловатых,
У конвейерных столов –
Девушки в халатах.
Все похожи, как одна.
Даши, Глаши, Ули...
Где же Нина? Вон она,
На высоком стуле!
Как ловка и как быстра.
Глянешь – вот бы мне так!
Сбоку – целая гора
Чёрненьких розеток.
Сколько за день их пришлось
Вынуть из-под пресса, –
Для неё самой, небось,
Мало интереса.
Ко всему привычка тут –
К запаху и звону...
Слышит, кажется, зовут.
- Нина! К телефону!
Да, её. –
- Иду, иду!
Спрыгнула со стула,

Отряхнулась на ходу,
Полы запахла.
Кто-то фыркнул: - Мил, не мил,
Муж – закон. Потеха!
Дверь конторки отворил
Сам начальник цеха:
- Из милиции...
- Алло!
Да, жена Петрова.
Шорох в трубке, как назло,
Не слышать ни слова.
Вскоре дальний шум затих,
Ясно прогудело:
- Говорит майор Седых.
Вот какое дело...
А начальника рука
Тянется к графину...
Тот же бас издалика:
- Я пришлю машину.
Зубы Нины о стакан
Дробно застучали...
- Ранен. При смерти Иван...
Будет жив едва ли...

Вот и белый дом – больница.
У барьерчика, у стен
Разный люд сидит, томится,
Ждёт каких-то перемен.
До чего здесь воздух острый.

Аж кружится голова.
Не спеша проходят сёстры,
Вроде всё им – тран-трава.
Да, такая уж работа.
Насмотрелись на больных.

Чья-то смерть и горе чьё-то –
Не в диковинку для них...
С молчаливой грустью Нину
Усадил в углу майор.
Сам присел, ссутулив спину.
Крякнул, вынул «Беломор».
Чиркнул раз – сломалась спичка.
Вспомнил: здесь нельзя дымить.
Распроклятая привычка!
Чуть чего – скорей курить.
Взглядом больше, чем словами,
Молвил, тронув за плечо:
- Не помочь ему слезами...
Может, выживет ещё...

- С добрым утречком, весна!
Здравствуй, зайчик бойкий! –
Улыбаясь, старшина
Приподнялся с койки.
Боль утихла. По спине –
Словно жала игол...
Светлый зайчик на стене
Веселей запрыгал.
Искрой вспыхнуло стекло.
Льётся свет в палату.
«Дарит солнышко тепло
Щедро, как по благу!»
Все больничные жильцы
Ожили в постели.
Кто-то шёпотом: - Скворцы!
Рано прилетели.
А другой: - Скорей бы встать!
Друг, откинь-ка штору!
Третий: - Хуже нет сыграть
В ящик в эту пору.
-Да, порядком здешний дом
Жизней отчекрыжил...
Воробышка под окном
Тенькал: - Выжил! Выжил!
Как же, радость и у птах...
- Врач идёт!
Нежданно
Делегация в дверях,
Вся родня Ивана...
- Похудел-то как, сынок.
- Располнею, мама!
Жив и ладно.
- Бог помог...
Маше смех – Ну, прямо!
- Цыц! – отец толкнул её.

.....
Утром вдруг посыльный спешно.
- Рад и счастлив доложить:
Оперирован успешно.
Всё в порядке. Будет жить!
Вскинув голову, с дивана
Нина – к двери, в чём была,
И товарища Ивана,
Как родного, обняла.
- Ой, спасибо вам, спасибо!
- Это скажете врачам.
Мы-то с вами не спасли бы,
Не способны к чудесам...

Снял пушинку с кепки,
Мнение высказал своё:
- Род Петровых – крепкий!
Чубчик мужа беребя,
Нина прошептала:
- Скучно, Ваня, без тебя,
Сиротливо стало...
Ослабевшею рукой
Потрепал за шею:
- Долгий путь у нас с тобой,
Надоесть успею!..
У Кузьмы прищурен глаз,
Видно, где-то «клюнул».
Поллитровку про запас
Под подушку сунул.
Взгляд жены его прожѣг.
- Вишь, какой он бледный!
Вредно пить-то.
- Этот сок
Никому не вредный.
Только было речь завёл
Про дела шахтёров,
Друг Ивана подошёл,
Рядовой Невзоров.
В кучу общую свалил
Банки и пакеты.
- Набирайся, Ваня, сил.
Плюнь на все диеты!
Так Седых и приказал –
Под метёлку чтобы!
Головой Иван качал:
Фрукты, сласти, сдобы...
- Думал, выжил насовсем,
Но не тут-то было.
Если я всё это съем –

Верная могила...
Мялся, супился отец.
- Значит, на поправку...
Не сдержался под конец:
- Как теперь – в отставку?
Есть кому заполнить строй,
Взять дружины, скажем.
- Ну, они само собой.
Я ж – боец со стажем.

Нет, папаша. В бой опять.
Мне ли жизнь итожить.
- Сколько ж можно воевать,
Всех не изничтожить...
Вдруг как сызнова беда?
Из больниц не выйдем.
- Всех прикончим!
- А когда?
- Поживём – увидим.

Текст поэмы набран с оригинальной рукописи:
М. А. Небогатов. СТАРШИНА ИВАН ПЕТРОВ:
Поэма. Рукопись на 32 листах. 1957 г.
// ГКУ КО ГАКО. Фонд № Р-1250. Описание № 1.
Ед. хр. № 88. (рукопись выполнена рукой
жены поэта Марии Ивановны Небогатовой).

С оригиналом работала
Нина Инякина, г. Кемерово.
12.10.2021.
(Фото – из интернета).